

Э. Д. Грибанов. Российские нагрудные медицинские знаки//Каталог коллекции Э. Д. Грибанова. Рига: Музей истории медицины им. П. Страдыня, 1989. 48 с.

По мере увеличения интереса к социокультурным проблемам истории науки расширяется ее методологический и методический арсенал, причем прежде всего за счет все более целенаправленного использования специальных исторических дисциплин. В советских исследованиях по истории науки сейчас все более заметен интерес к многоаспектным проблемам источниковедения, и мы можем отметить отдельные важные достижения в этой области. Другие, более частные исторические дисциплины, такие как архивоведение и археография истории науки, также представлены у нас достаточно фундаментально. Но, к сожалению, единицами исчисляются отечественные публикации в области хронологии, исторической методологии, текстологии, генеалогии, палеографии, включая эпиграфику и папирологию (все применительно к истории знания). Вместе с тем сам факт проведения таких исследований является своеобразным «культурным индексом» исторических исследований, так как является результатом высокой специальной подготовки в определенной сложившейся культурной среде.

И уж совсем отсутствуют у нас исследования в области дисциплин, изучающих один определенный вид источников, всесторонне рассматривающих их содержание и форму. В нашей стране практически нет историко-научной дипломатики, геральдики, сфрагистики и нумизматики, включая и изучение различных знаков отличия (фалеристики) и исследования медальерного искусства.

Поэтому не должна пройти незамеченной работа Э. Д. Грибанова — равная подвигу в наших условиях работа собирателя и исследователя, — направленная на выявление и описание знаков и медалей, посвященных медицинской (в том числе, естественно, и научно-медицинской) тематике. Его коллекция уникальна и сама по себе является памятником истории науки. Одновременно она дает нам в руки необыкновенно интересный и ценный материал, свидетельствующий об отношении к научной и медицинской элите в России, об уважении к знаниям и их самоотверженному применению на благо общества.

В наше время уместно напомнить о том, что важнейшим потенциалом страны, нации являются группы ее наиболее образованных и специально подготовленных граждан.

Полезно вспомнить, и это тоже помогает сделать собранная коллекция, многообразные по своей форме принципы создания различных объединений, фондов и организаций; высокий авторитет высших учебных заведений (универси-

тетов и Военно-медицинской академии). Коллекция также представляет дополнительный материал для изучения принципов организации народного образования и медицинской службы, дает уникальные сведения об организации благотворительности и содействии науке и медицине.

Как известно, Медицинский департамент и Департамент казенных врачебных заготовлений в составе Министерства внутренних дел (Министерства здравоохранения в дореволюционной России не существовало) находились в довольно подвижных и часто сложных взаимоотношениях между собой и Медицинским советом. При централизованной регламентации обязанностей этих подразделений много различных сфер деятельности оставались вне поля их надзора, особенно в переломные моменты истории России: во время войн, реформ, в предреволюционную эпоху. Особой сферой были отношения с рядом зарубежных обществ и организаций, прежде всего с созданным в 1864 г. Обществом Красного Креста (хотя приглашением медицинских специалистов для работы в стране ведал Медицинский департамент). Многие обязанности при этом брали на себя различные общества и неформальные организации часто с нетривиальными, негосударственными формами поощрения деятельности. Можно привести множество примеров отражения различных событий или мероприятий в знаках и жетонах, анализ выпусков которых может дать важные сведения о характере и общественной значимости этих событий. Например, выпуск так называемых знаков «Зауряд-врачей» — подготовленных ускоренным выпуском в годы первой мировой и гражданской войн, непригодных для работы в условиях мирного времени и научной деятельности (предполагалось, что они впоследствии будут сдавать специальные экзамены вслед за прохождением особой, притом длительной дополнительной подготовки). Особый интерес представляют специальные знаки для врачей, имевших ученые степени и звания, квалификационные знаки различных медицинских специальностей.

Каталог издан очень хорошо, с цветными изображениями знаков и медалей в размерах 1:1. Комментарии интересны и содержательны. Обстоятельно пояснены особенности ношений (и форменных различий) так называемых академических знаков для военных и гражданских чинов. Заслуживает внимания и обсуждения классификация знаков.

К недостаткам каталога следует отнести не совсем ясное расположение материалов в таблицах, не всегда позволяющее четко соотнести подписи и изображения знаков. Непонятно, почему для одних знаков и медалей дано только описание, а для других — извлечения или изложения статут.

Однако в целом издание каталога должно

быть отмечено как важное и знаменательное явление в нашей историко-научной и медицинской литературе. Характерно, что интерес к историко-научной нумизматике выразился также выпуском двух буклетов Музеем истории медицины им. П. Страдыня «Медицина в медалях Яниса Струпулиса» (Рига, 1988) и «Медали и нагрудные знаки России XVIII—XX века» (Рига, 1988). В последнем издании также использованы материалы из коллекции Э. Д. Грибанова, а буклет был приурочен к его персональной выставке в музее.

С. С. Кривобокова

Creativity in the Arts and Science/Ed. Shea W. R., and Spadafora A. Canton, 1990. 187 p.

Творчество в искусстве и науке/Под ред. Ши В. Р. и Спадафора А. Кантон, 1990. 187 с.

Рецензируемый сборник состоит из 10 статей, в основе которых тезисы докладов, прочитанных авторами на международной конференции в Локарно (октябрь, 1988), посвященной теме «Наука и общество».

Приближение к пониманию природы творчества — так, по-видимому, можно охарактеризовать основную проблему всего работ сборника. Вильям Ши, профессор истории и философии науки Монреальского университета, президент Международного союза истории и философии науки, совершенно справедливо предупреждает во введении, что было бы весьма опрометчиво пытаться дать исчерпывающее определение творчества, ибо в нашем распоряжении «нет такой магической формулы, которая открывает шлюзы оригинальности и обеспечивает устойчивый поток новых идей и дерзких открытий» (с. XIII).

Разумеется, все или большинство сфер невозможно охватить в небольшой книге, поэтому авторы и издатели сознательно ограничились рассмотрением трех частей проблемы: первая посвящена памяти и ее возможностям (статьи П. Росси, П. Касини и Д. Р. Гофштадтера); вторая касается некоторых аспектов деятельности Рафаэля и Леонардо да Винчи в отношении к точным наукам (работы С. Эдгертона и П. Галлуци), сюда же примыкает статья П. Бренни о дизайне научных инструментов; наконец, третья часть включает четыре работы, или даже скорее философских эссе, непосредственно относящихся к природе творчества (П. Фейерабенд, Ф. Лерда, М. Джавери, С. Лантиери).

Несмотря на достаточно выраженную объединяющую идею, статьи сборника вполне оригинальны по методу подачи материала, стилю и даже отчасти по теме, которая порой поворачивается весьма неожиданной для отечественного читателя стороной. Поэтому при дальнейшем изложении нам не избежать некоторой дробности, во всяком случае, мы будем следовать порядку, заявленному в оглавлении.

1. Rossi P. Creativity and the art of memory — Росси П. Творчество и искусство памяти (с. 1 — 13). Статья интересна прежде всего обильными примерами, демонстрирующими незаурядные возможности человеческой памяти. Так, из чис-

ла пациентов Оливера Сакса автор останавливается на некоем А. Мартине, госпитализированном в 1982 г. с диагнозом «болезнь Паркинсона», который, совершенно не разбираясь в нотной грамоте, мог, однако, очень точно воспроизвести любое музыкальное произведение после одного лишь прослушивания (с. 3). Любопытен и пациент А. Р. Лурия, прославившийся тем, что никогда и ничего не забывал (с. 4).

Искусством памяти, или мнемотехникой (по-латински *ars memoria*), много занимались итальянские гуманисты Франческо Петрарка, Пьетро да Равенна, Пьетро Томаи, причем и сами они достигли замечательных успехов в этой области (с. 5—6). Как правило, использовались приемы, разработанные еще в античности, в частности, римским оратором Квинтилианом (ок. 35—100 гг. н. э.), основанные на взаимной связи «мест» и «образов» (с. 9). Кроме него об искусстве памяти писали многие: Аристотель, Цицерон, Альберт Великий, Фома Аквинский, Лейбниц, Дэвид Юм. Из краткого исторического экскурса П. Росси делает вывод о том, что люди прошлого обладали более развитой памятью, нежели наши современники. По этому поводу приводится гипотеза исследовательницы Фрэнсис Йейтс: в прошлом люди, лишенные современных подручных средств, обеспечивающих легкое запоминание, развили в себе более мощные способности. «Проницательное внутреннее зрение» позволяло человеку «видеть места и размещенные в них образы», а последние немедленно доставляли «к мыслям и речи» (с. 11—12).

По мнению автора, упомянутые вышеприведенные особенности, можно считать, что память, воображение и фантазия долгое время рассматривались как своего рода синонимы. Лишь в середине XVI в. «память была поглощена логикой» и именно в таком аспекте изучалась Декартом и Р. Бэконом. Однако и сейчас иногда подчеркивают основополагающее для процесса мышления значение некоего образа, который «становится элементом, задающим порядок для цепочки других мнемонических образов». Так полагал, в частности, А. Эйнштейн (с. 13).

2. Casini P. The Creator and the Legislator: two metaphors — Кассини П. Творец и законодатель: две метафоры (с. 14—25). Разумеется, метафора здесь рассматривается в более широком смысле, чем литературоведческий термин; впрочем, понятие метафоры в науке ныне достаточно широко известно.

Выделив привычный образ творца, автор неожиданно противопоставляет ему образ законодателя, отлично понимая, что с точки зрения теологии это немислимо, так как по традиции обе формы деятельности объединены в одном лице: достаточно вспомнить библейского Яхве или платоновского Демурга. И тем не менее фигура законодателя представляется необходимой. Достаточно, считает автор, обратиться к оккультным наукам, в которых действия мага или алхимика как бы имитируют действия демурга, хотя сами по себе они «количественно не определены и не могут быть сведены к законам», а следовательно, «проанализированы, описаны и заключены в речевую формулу» (с. 15).

В науке Нового времени впервые ощущается различие между творцом и «Божественным Архитектором» Галилея, — законодателем — Причиной Ньютона, благодаря которой в основу мироздания вносится надлежащий математический и геометрический порядок. «Идею закона,